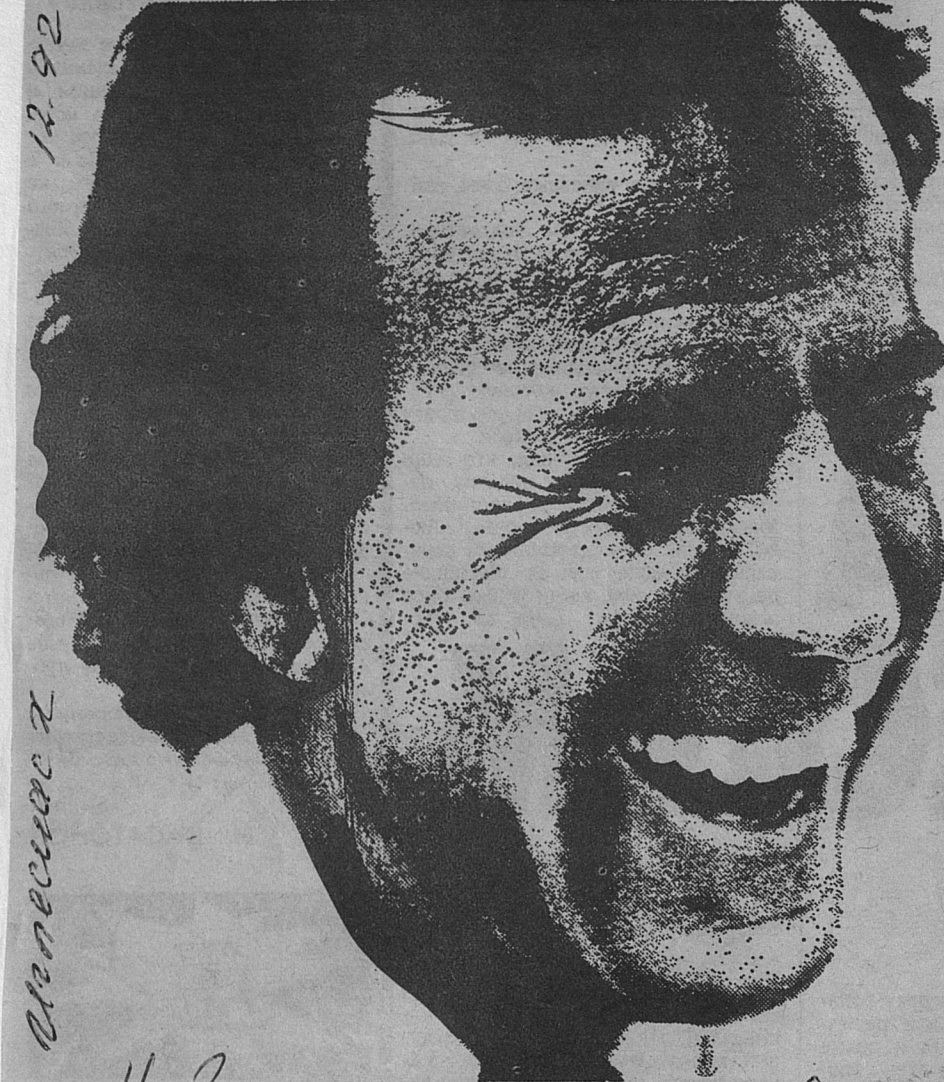




Неделя. — 1992. — № (N 50). — с. 8-9.

■ Хулио Иглесиас сейчас самый популярный европейский эстрадный певец. Неувядаемый, не поддающийся возрасту, не теряющий блеска. В его успехе, пережившем многие моды и революции, системы и направления, есть что-то загадочное. И после 20 лет его первых выступлений стадион в Рио-де-Жанейро, где проходят сейчас концерты Хулио, переполнен. Людей притягивает даже не музыка, а сам Иглесиас, ставший символом самоусовершенствования, в ком тесно переплетены обаяние и сдержанный испанский жар в крови.

Хулио был еще подростком, но с ним уже связывались большие надежды испанского профессионального футбола. С тех же пор, как в 1963 году он врезался на автомобиле в дерево и, лежа парализованным в больнице без всяких шансов на выздоровление, начал учиться играть на гитаре и петь, наш мир без его песен уже трудно представить.

Иглесиас, написавший в 1968 году свою первую песню «Жизнь идет без перемен», стал самым известным исполнителем песен о любви. Хотя более 80 сольных альбомов — это в основном обычные песни. Такие удачи, как вызывающий бурю восторгов шлягер «Амор» («Любовь»), были редкостью. Этот певец продал свыше 220 миллионов пластинок, записал более 970 золотых и 350 платиновых дисков.

БЕСЕДОВАТЬ с Хулио Иглесиасом очень трудно. Он говорит, говорит и говорит. На вас обрушивается нескончаемый поток слов, и нужно успеть выделить из них самые нужные, самые интересные,

так как вслед за этим потоком сразу низвергается следующий. Так, на вопрос, который час, он рассказывает историю о человеке, которому он когда-то подарил часы, и вот сейчас от него пришло письмо, где он пишет, что часы до сих пор тикают. Рассказывая о своей жизни, он вспоминает об одном теннисном матче и советует попробовать постоять хоть раз в жизни у сетки. Но временами в его речи появляются тяжкие ноты меланхолии. В такие моменты Хулио начинает говорить очень тихо, словно не хочет, чтобы его расслышали. Это меланхолия от того, что дело идет к концу.

«Как только я вернусь из турне (это интервью состоялось во время его недавних гастролей в Рио-де-Жанейро. — Ред.) и приду в свою студию, я еще раз запишу свои лучшие песни, такие, как «Любовь», «Всем девушкам, которых я прежде любил», «Если вы уйдете»... Я запишу их, так сказать, окончательно... Если я умру, люди должны думать: он хотел жить».

Хулио — человек одержимый, он никогда не успокаивается. Его веки начинают подергиваться, когда он рассказывает о Паваротти, Стиве Уандере и Каррерасе, о том, как они вместе работали, вместе записывали на пластинки песни. Да, ради этого стоило жить. Хулио рассказывает это еще раз, потом повторяет снова и снова...

А Синатра! Он произносит это имя, как будто Фрэнк — его самый близкий друг. У Хулио, вероятно, намного больше денег,

Хулио ИГЛЕСИАС:

«КОГДА Я СРАЖАЛСЯ ЗА СЕБЯ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ, ТО ПОНЯЛ, ЧТО ПО ПРИРОДЕ — БОРЕЦ. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ОКАЖУСЬ ОДИН В ОКЕАНЕ, БУДУ ПЛЫТЬ ДО КОНЦА, ПОКА ХВАТИТ СИЛ... А УМЕРЕТЬ МечТАЮ НА СЦЕНЕ. СТОЯ!»

Дай ему Бог долгой творческой жизни.

ОН УМЕЕТ



чем у Синатры, но ему так и не удалось взобраться на Олимп юлассиков, где восседают Синатра, Дин Мартинс и Сэмми Дэвис. Никогда у него не было их расхождений, не было врожденного обаяния. Когда находишься наверху, но заглядываешь еще выше, испытываешь боль. Да, это причиняет мучения.

Вот почему он так жесток по отношению к себе. Его лицо теряет всякое выражение, когда он говорит: «У меня все идет по строгому распорядку: сначала музыка, за ней женщины, потом дети. Именно в такой последовательности».

У Хулио два сына и дочь, он разведен, живет сейчас с Мирандой, фотомodelью из Голландии. Ей 25 лет. Ее молодость дает ему ощущение, что и он молод. «Нуж-

Хулио ИГЛЕСИАС:

«ПРОДАВАТЬ ПЛАСТИНКИ — САМОЕ СКВЕРНОЕ ДЕЛО В ЖИЗНИ... КОГДА ДИСК В МАГАЗИНЕ, ОН УЖЕ БОЛЬШЕ К ТЕБЕ НЕ ВЕРНЕТСЯ, ОН БОЛЬШЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ТЕБЕ...»

но быть готовым хорошую музыку поставить выше своей жены и детей, — говорит Хулио. — Я, верно, был плохим отцом, меня не было рядом с детьми, когда они нуждались во мне. Но зато я делаю хорошую музыку. За последние пять лет я не прочитал ни одной книги. Зато я много читал в глазах людей и делал песни».

ИСТОРИЯ Хулио Иглесиаса — это история победы над самим собой. «Я хотел в жизни только одного: добиваться своего». И потом как бы между прочим рассказывает кое-что из того времени, когда он был парализован. «Я лежал тогда в больнице. И каждый раз, когда никто не смотрел в мою сторону, стучал кулаком по своим ногам. Но ничего не чувствовал, совершенно ничего. Но



однажды я много часов подряд наблюдал за маленьким пальцем на ноге, разговаривал с ним — и вдруг почувствовал, что он слегка вздрогнул. Ага, я тотчас же отметил то место в мозгу, где я на какое-то мгновение ощутил это движение. Это здесь, наверху. — Хулио стучит по левой стороне головы. Тогда я стал делать это и дальше. Каждый день понемногу. Сначала я ощутил один палец, затем все. О господи, пришло время, когда я смог сделать первые шаги! Это стало как бы моим принципом жизни: добиваться своего».

Добиваться своего. В такие моменты просвечивается его изломанный внутренний мир. Именно поэтому он никогда не бывает доволен чем-то до конца. Когда Хулио привез в Америку свои песни, у

него была лишь одна цель: он хотел, чтобы на его пластинках, продававшихся в магазинах, было написано не «Иностранного исполнителя», а «Иглесиас». И он этого добился.

Нужно долго наблюдать за Хулио, чтобы заметить в нем комплекс неполноценности. Нужно видеть, как он с внутренней дрожью выходит на сцену вместе с великим тенором Каррерасом и как ему отказывает голос. Нужно быть рядом с ним, когда его батареи самоутверждения выходят из строя.

«Марбелья», арена для боя быков, где выступает артист. До его выхода остается еще 30 минут. Хулио бежит взад-вперед по своей маленькой кабинке, служащей ему артистической. Вот уже четверть часа, как его никто не тревожит, не дотрагивается до него, не обнимает, не просит автографа. Этой передышкой ему достаточно. Теперь ему требуется получить необходимую дозу самоутверждения. На своих тонких ногах Хулио, как аист, бежит по коридорам стадиона, на ходу пожимая кому-то руки, раздавая автографы. Но этого ему мало. У ворот стадиона стоят подростки, девочки с длинными волосами и темными глазами. Хулио устремляется к ним, те сияют от счастья. Поцелуй, приятные слова. Заметно, как Хулио всасывает в себя все это. «Видите этих юных поклонников, моя публика подрастает с каждым годом».

Меж тем в артистической собирается его семья — два сына и отец. Донтор Хулио Иглесиас Пуга, мускулистый муж-



ДОБИВАТЬСЯ СВОЕГО



чина, был одним из знаменитейших гинекологов Испании — так было до декабря 1981 года. Именно тогда отца Иглесиаса похитили баскские сепаратисты и потребовали от сына выкуп за отца. Буквально в считанные часы он собрал несколько миллионов долларов и отдал выкуп. Однако отец был освобожден из убежища в горах, где его держали террористы, через 19 дней. «С тех пор у него бывают психические расстройства, и он был вынужден оставить свою медицинскую практику», — говорит Хулио.

СКОЛЬКО ЖЕ денег заработал Хулио за свои песни? Этого он точно сказать не может. «Этим управляют другие», — отмахивается он. Американский журнал «Форбс» три года назад писал,

что его годовой доход составляет 22 миллиона долларов, намного выше, чем у Синатры. За Иглесиасом стоит небольшая, но высоко технологизированная фирма, имеющая одну цель: умножать славу Хулио и оберегать его от всяких забот. Каждый год она рассылает 10.000 рождественских открыток всем, кто хоть когда-нибудь имел дело с этим тореро чувств, — лично или по делу. Возле его дома во Флориде (дом стоит на искусственном острове Индиан Грик, где живут миллиардеры) повсюду стоят «феррари» и «роллс-ройсы». В аэропорту всегда наготове его частный самолет. На нем Хулио летает сам по всему миру.

Ежемесячные расходы на содержание в постоянной готовности всего, что может потребоваться Хулио, составляют 700.000 долларов. Однажды, когда вода в бассейне показалась ему слишком теплой, по его желанию с материка на остров был привезен на лодке огромный груз с кубиками льда.

СТАДИОН «Марбелья», половина двенадцатого ночи. На сцене уже несколько минут стоит Иглесиас — элегантный, с уложенными волосами и со скупыми жестами. Его шарм ослепителен, особенно, когда он закрывает глаза, изломанным жестом хватается рукой за то место, где желудок, как это бывает при приступе гастрита, и слегка покачивая бедрами, поет: «Амор, Амор...» Через полчаса песни Иглесиаса кажутся нескончаемыми, все 15 песен слушаются, как одна, один и тот же ритм заворачивает слушателей... Волшебство Иглесиаса — это наигранная застенчивость и тонкая,

хотя и поверхностная элегантность. В этом Хулио проявляет неисчерпаемую энергию. Более двух часов он снова и снова закрывает глаза, потом обращает взор к небу, пишет в воздухе любовные письма, и каждой женщине, слушающей его, кажется, что в эти секунды он обращается только к ней одной, к ней лично. Это мужчина, дающий надежду.

Два часа утра. Публика покидает арену. Хулио, опытный безграничной любовью к нему, шатаясь, сходит со сцены. «Мы попытаемся уединиться где-нибудь и поговорим там еще немного», — обещает он. Но уединения не получается. Хулио выбрал первый попавшийся ресторан на площади. Тысячи людей заглядывают через оконные стекла, пытаются разглядеть его. В перерывах между красным вином, омаринами и кофе Хулио дает автографы, чокается и заигрывает с толпой. Через час его с большим трудом удастся вывести из плотного окружения восхищенных поклонников, и то только благодаря помощи полицейских. «Видите, они любят меня», — восторженно говорит он.

По материалам журнала «Штерн» подготовила Галина ТАРАСОВА.

НА СНИМКАХ:

- Они пили большую симпатию друг к другу: великий врач Лев Яшин и бывший врач, ставший знаменитым певцом, Хулио Иглесиас.
- За два часа до выхода на сцену.
- С сыновьями.
- Кумир и поклонницы.